

ЛИТЕРАТУРА

1. Глушак, В. М. Взаимное восприятие русских и немцев от древности до наших дней // Русские и немцы. 1000 лет истории, искусства и культуры. – М. : Архив Рос. Акад. наук, 2012. – С. 22–31.
2. Северова, Н. Ю. Введение элементов профессионализации в практику преподавания иностранного языка на начальном этапе бакалавриата в целях обеспечения качества подготовки выпускников (на примере немецкого языка, неязыковой вуз) // Качественное образование: проблемы и перспективы. – М. : МГПУ, 2016. – С. 289–298.

И. В. Борисовская (Белгород, Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «НАБЛЮДАТЕЛЬ» В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ*

Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа в сознании человека существуют системы понятий, которые определяются тем языком, носителем которого выступает данный человек. Этот же фактор определяет и особенности его мышления. Принято считать, что ментальные представления человека влияют на его чувственное восприятие действительности. В свою очередь, языковые и культурные системы могут изменять ментальные представления. Американский лингвист и этнолог Эдвард Сепир утверждал: «Мы видим, слышим или иным образом воспринимаем действительность так, а не иначе, потому что языковые нормы нашего общества предрасполагают к определенному отбору интерпретаций» [1, p. 210].

В языковой картине мира отражаются представления народа о времени и пространстве, о человеке и природе. Концептуализация процесса наблюдения также находит свое выражение в языковых средствах. Под концептом «наблюдатель» следует понимать ментальное образование, репрезентированное средствами языка, информирующее о лице, в зоне восприятия которого находится предмет, процесс, явление, событие. Признак наблюдаемости – неотъемлемая часть информации, заключенной в предложениях изменения. Данный логико-грамматический тип предложений описывает изменения, происходящие в экстралингвистической ситуации, наблюдаемой кем-либо. Позицию подлежащего в них реализуют пропозитивные имена, которые воплощают смысл целого предложения и самостоятельно способны называть некую ситуацию.

По мнению Г. А. Золотовой, признак наблюдаемости совпадает с признаком «конкретно-временной локализованности», противопоставленной признаку временной абстрагированности действия и, соответственно, ненаблюдаемости. Поэтому фазовые глаголы, функционирующие в предложениях

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00200.

изменения, несут информацию, косвенно указывающую на наблюдателя: *Das Schweigen begann abermals* 'Вновь началось молчание'. В данном высказывании автор, являясь наблюдателем, констатирует отсутствие звуковых процессов. Наличие прагматической характеристики, отражающей исключительно субъективное восприятие процесса, явления, тем более связано с наблюдением: *Faulig scharfer Geruch verbreitete sich im Raum* 'Резкий запах гнильи распространился в помещении'. Качества, приписываемые запаху, указывают на наблюдателя.

Понятие *наблюдатель* связано в лингвистике с понятием авторизации, которое заключается в том, что в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия [2, с. 346]. В предложениях изменения с процессами внешнего воздействия на человека позиция наблюдателя совпадает с говорящим, который, сообщая о чувственно воспринимаемом процессе, явлении, его возникновении или исчезновении, берет на себя эпистемические обязательства: *Das Wispern erstarb* 'Шепот умер'. Говорящий приписывает субъективные характеристики, присущие ситуации: *Im nächsten Augenblick krachten zwei Schüsse* 'В следующее мгновение гроыхнули два выстрела'.

Наблюдатель-экспертиент может быть введен в структуру предложения:

- притяжательным местоимением при существительном, называющем орган восприятия: *Hunderte Geräusche drangen an sein Ohr* 'Сотни шумов доносились до его уха';
- личным местоимением в косвенном падеже там, где фигурируют глаголы с отделяемыми приставками, уточняющими распространение процесса в определенном направлении: *Schritte kamen ihm entgegen* 'Ему навстречу шли шаги';
- глаголы семантического класса «Воздействие» обязательно вводят объект, реализованный прямым дополнением: *Das dünnste Licht umfing ihn* 'Тончайший свет охватил его';
- глаголы движения, подвергаясь метафоризации, также информируют о воздействии. обстоятельство уточняет орган восприятия, идентифицирующий явление или процесс: *Der faulige Geruch stieg ihm in die Nase* 'Запах гнильи поднялся ему в нос'.

Когда говорящий и экспериент совпадают, используются личные местоимения первого лица: *Stickender Geruch schlug uns entgegen* 'Затхлый запах ударил нам навстречу'.

В предложениях изменения со значением 'процессы внутреннего воздействия' наблюдатель, испытывающий собственные эмоции, репрезентируется личными местоимениями:

- с предлогом в позиции обстоятельства: *Manchmal regte sich auch der Neid in ihm* 'Иногда в нем шевелилась зависть';
- в позиции прямого дополнения с глаголами, обладающими обязательной объектной валентностью: *...und der Schreck durchfuhr ihn* 'И его пронзил испуг'.

В предложениях изменения со значением ‘эмоциональный процесс’ наблюдателем является говорящий, если пропозитивное имя называет внешне выраженные эмоциональные реакции: *Trauer überzieht ihr Gesicht* ‘Печаль покрывает ее лицо’.

Репрезентации говорящего-наблюдателя способствует такой временной конкретизатор, как *plötzlich* ‘вдруг’: *Plötzlich änderte sich sein Verhalten* ‘Вдруг его поведение изменилось’.

Наличие экспериента – имманентная черта предложений изменения со значением ‘ментальный процесс’.

Глаголы различных лексико-семантических классов, употребляющиеся в предложениях изменения и функционирующие как фазовые глаголы, обладают обязательной валентностью на обстоятельство. Это явление объясняется существованием в сознании носителей языка образной модели, в соответствии с которой ситуация «Возникновение» концептуализируется как перемещение в пространстве и появление в другом месте, близком к наблюдателю, а в случае с ментальными процессами – в самом наблюдателе-субъекте процесса: *Gleichzeitig tauchte die Befürchtung in ihm auf* ‘Одновременно в нем всплыло опасение’.

Обязательной объектной валентностью, способствующей экспликации экспериента, обладают глаголы, которые в переносном значении выражают смысл ‘воздействие на сознание человека’: *Und in der gleichen Sekunde durchfuhr sie eine sonderbare Vorstellung* ‘И в ту же секунду ее пронзила особая идея’.

Экспериент представлен притяжательным местоимением в предложно-именной группе, называющей «Поверхность», на которой можно наблюдать внешнее проявление мыслительной деятельности, сам наблюдатель присутствует в имплицитной форме: *Ein ganzes Gewitter von Gedanken ging über ihr dickes Gesicht* ‘Целая буря мыслей пронеслась по ее толстому лицу’.

В тех случаях, когда глагол не предполагает валентности на объект, т.е. несет характеристику способа протекания ментального процесса или указывает на его фазу, наблюдатель-субъект процесса может быть выражен притяжательным местоимением при пропозитивном имени: *Dann verloren sich seine Gedanken* ‘Потом его мысли потерялись’.

Экспериент присутствует в предложении изменения в имплицитном виде, если информация о нем содержалась в контексте ранее: *Das Andenken alles Ungemachtes erwachte mit einem Mal* ‘Вдруг проснулось воспоминание обо всем неделанном’.

Таким образом, в предложениях изменения возможны 1) наблюдатель-говорящий, репрезентированный оценочной лексикой; 2) наблюдатель-экспериент, репрезентированный именами собственными, личными и притяжательными местоимениями в структуре обстоятельств и дополнений; 3) наблюдатель-субъект процесса репрезентируется притяжательными местоимениями; 4) говорящий-экспериент репрезентирован личными и притяжательными местоимениями первого лица.

ЛИТЕРАТУРА

1. Sapir, E. The Status of Linguistics as Science / E. Sapir // Language. – 1929. – Vol. 5, № 4. – P. 207–214.
2. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

Е. Л. Григорьян (Ростов-на-Дону, Россия)

РУССКИЕ БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ УНИВЕРСАЛИИ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Термин *языковая картина мира* (ЯКМ) на протяжении последних 25 лет исключительно популярен, что соответствует сегодняшней направленности мировой лингвистики с ее антропоцентризмом, когнитивизмом, интересом к этноспецифичности. Однако за данным термином у разных авторов стоят различные представления, не всегда эксплицируемые. Чаще всего происходит приравнивание ЯКМ к духовному миру народа, менталитету, и язык рассматривается как один из источников (наряду с другими) для исследований подобных категорий. Согласно позиции Анны Зализняк, языковая картина мира – удобный конструкт для описания языковой системы, это часть семантики [1]. Заметим, что само название *картина* предполагает целостность, единство, некоторые сквозные организующие начала.

Другой принципиальный вопрос (редко осознаваемый) – какие языковые факты, какой материал показателен для исследования ЯКМ? Многие авторы, похоже, считают, что любой. Согласно более взвешенным подходам, показательным для выявления ЯКМ является не все, что есть в языке, а (1) высокочастотное; (2) глобальное, пронизывающее всю систему (вспомним позицию Б. Л. Уорфа, который считал, что множество названий различных видов снега у народов севера или общее название для снега, льда и инея у индейцев майя в этом плане несущественны, а важно, как организованы фундаментальные семантические категории, такие как пространство, время, количество); (3) повторяющееся, продуктивное, захватывающее и новые единицы, входящие в язык (Анна Зализняк); (4) мировоззренчески значимое – ключевые концепты и т.п.; (5) специфичное, уникальное, отличающее от других [2]. Нетрудно заметить, что первые три пункта взаимосвязаны; последний пункт будет рассмотрен ниже.

Представление о русских безличных конструкциях как о специфической особенности русской грамматики, отражающей самобытное русское мировосприятие, за последние десятилетия получило широкое распространение во многом благодаря работам А. Вежбицкой, посвященным в первую очередь конструкциям с дополнением в творительном падеже, типа *Его убило молнией* или *Его переехало трамваем* [3]. Однако, если не ограничиваться сравнением